

Ченская Татьяна Владимировна

кандидат исторических наук

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

**КРЕСТЬЯНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ
В ПЕРИОД ПЕРЕВЫБОРОВ В СОВЕТЫ 1926, 1929 гг.
(на примере Орловской губернии/области¹)**

В ряду проблем истории советского общества, нуждающихся в осмыслении, важнейшее место принадлежит государственной политике в российской деревне второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. Перевыборы в советы в этом контексте особенно привлекают историков. Еще в советских исследованиях был аккумулирован значительный массив фактического материала, хотя и трактуемого в рамках существовавшей в стране и обществе идеологии. Внимание концентрировалось на вопросах руководства Коммунистической партией выборами в советы, на организации избирательных кампаний, формировании состава советов, представительства в них отдельных социальных групп (женщин, комсомольцев, сельской бедноты), особенностях выборов в сельской местности и городах, кампаниях по «оживлению советов»². В последние годы исследователи, не скованные идеологическим прессингом, обратились к иным проблемам: лишение избирательных прав отдельных категорий населения («лишенцы»), участие в выборах небольшевистских партий, гендерный аспект перевыборных кампаний, абсентеизм сельских обывателей³.

¹ В 1929 г. Орловская губерния была преобразована в Орловскую область.

² *Воронкова С.В.* Перестройка сельских Советов в годы коллективизации деревни (1929–1930 гг.). (По материалам Северо-Кавказского края) // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1961. № 1; *Шилобод М.И.* Роль сельскохозяйственного пролетариата в упрочении советской власти в деревне (1917–1927 гг.) // Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та. Орел, 1967. Т. 37; и др.

³ *Безгин В.Б.* Выборы в Советы первой половины 1920-х годов и абсентеизм сельских обывателей // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): Материалы научно-практич. конф. Тамбов, 2000; *Ергина Н.М.*: 1) Женщины в кампании перевыборов сельских советов Мордовского округа (1928–1929 гг.) // Вестник Чувашского

Сообщения и заметки

Казалось бы, все аспекты проблемы рассмотрены во всем своем многообразии, но при этом в стороне от исследовательского внимания все еще остается вопрос крестьянских настроений в период перевыборов в советы, тогда как любая избирательная кампания – это лакмусовая бумажка ожиданий и надежд электората, его отношений к происходящему в стране. Так было и при перевыборах сельских советов в 1926, 1929 гг., отразивших динамику изменений крестьянских настроений.

Ценным источником здесь являются документы и сводки о перевыборных кампаниях, когда местные избирательные комиссии помимо статистической отчетности предоставляли секретные описательные обзоры избирательной кампании в соответствии с циркулярами НКВД за № 526/87/С и № 539/88/С и распоряжениями губернских избирательных комиссий. В циркуляре НКВД № 539/88/С так и говорилось: «Все те явления, которые не могут получить цифрового выражения или не предусмотрены формами статистической отчетности должны быть возможно полно освещены в этих обзорах, сообщать просим сведения непосредственно в НКВД»⁴. Ход перевыборных кампаний отражали также специальные сводки и бюллетени окружных отделов ГПУ. Особенно повышенное внимание этих органов к перевыборам советов было в 1929 г., что вполне объяснимо, исходя из тех процессов, которые происходили в стране.

Как свидетельствуют информационные документы и сводки губернской избирательной комиссии за 1926 г., палитра крестьянских настроений была чрезвычайно разнообразной. При этом можно выделить несколько сюжетов, которые сами по себе являются весьма показательными для понимания атмосферы того времени: отношение к социалистическому переустройству деревни (важнейшей частью которого были культурная революция, кооперация, индустриализация); отношение к самой избирательной кампании, с которой непосредственно связано восприятие правящей власти и ее политики, а также к широко пропагандируемому союзу рабочих и крестьян.

При организации выборов широкое распространение получила практика отчетных собраний исполкомов и других советских учреждений, как народные суды, органы здравоохранения и др. Проведение подобных собраний входило составной частью в планы избирательных кампаний и крестьянские массы это приветствовали,

университета. 2010. Вып. 2; 2) Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. Вып. 4. Т. 1; *Есиков С.А.* Выборы в тамбовской деревне в 1920-е гг. // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект); *Красников В.В.* Лишение избирательных прав при выборах в Советы в 1920-х гг. (на примере избирательных кампаний в Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 3 (143); и др.

⁴ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО) Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 4.

Сообщения и заметки

высказывая свое одобрение: «Граждане, видели ли мы при царизме такие отчеты губернской власти – нет. Теперь не только отчитываются, но и научают как дальше жить и работать» (Муравльская вол. Малоархангельского уезда)⁵. Данные из информационной сводки № 6 о ходе избирательной кампании по РСФСР на 5 марта 1926 г. подтверждают, что мнение крестьян Орловской губернии разделялось крестьянством других регионов: «Советская власть взяла правильный курс на крестьянство» (Московская, Тверская, Воронежская и др. губернии); «вы, молодежь, должны строить новую жизнь, советскую» (Иваново-Вознесенская губерния)⁶.

При организации перевыборов сельских советов широкое распространение получила практика предварительной подготовки избирательных списков из числа бедноты, местных коммунистов и активистов. Случаев отвода членов партии в перевыборную кампанию 1926 г. почти не наблюдалось, если не считать тех, когда крестьяне открыто снимали некоторые кандидатуры членов ВКП(б), если они своим поведением дискредитировали себя. В этом случае вся тяжесть критики обычно переносилась на отдельных представителей власти. Так, например, в Ливенском уезде предложенные кандидатуры от ячеек коммунистов не выбирались, но в то же время население выдвигало членов ВКП(б) и комсомола более авторитетных в его среде и выбирало их в члены Совета⁷.

Материалы избирательных комиссий свидетельствуют, что социалистическое переустройство российской деревни вызывало интерес со стороны крестьянства, проявлявшийся главным образом к вопросам, имеющим местное значение. Причем желание улучшить социально-экономическое положение своей родной деревни, повысить ее культурный уровень было преобладающим, и проблемы экономического характера на данном этапе жизни российской деревни были самыми животрепещущими. С особым вниманием и надеждой крестьяне отнеслись к мероприятиям советской власти, направленным на восстановление сельского хозяйства Черноземной полосы. Приветствовались землеустроительные работы бедняцкого населения за счет государства, а также передача фондовых земель и усадеб, внутригубернское расселение⁸. Деревню интересовал прежде всего не идеологический аспект этого процесса, а сугубо практическая направленность. В настроениях крестьянства в перевыборную кампанию 1926 г. выявляются настойчивые требования по улучшению экономического и культурного строительства деревни: землеустройство, дорожное строительство, увеличение сети школ и больниц.

⁵ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 46.

⁶ Там же. Л. 87.

⁷ Там же. Л. 131.

⁸ Там же. Л. 104.

Сообщения и заметки

Характерными для иллюстрации настроений крестьянства являлись вопросы, задаваемые ими на избирательных собраниях: «почему правительство не привозит из-за границы недостающий товар – мануфактуру, обувь и т. п.»; «почему в кооперации полки пусты, а спекулянты, наезжающие в поселок, продают товары, накладывают на них до 150 %»; «почему соввласть не наказывает должным образом растратчиков и поэтому дает повод к новым растратам, злоупотреблениям, и хулиганству, и пьянству и т. п.»⁹ Эти вопросы свидетельствуют, что крестьян не могли не волновать постоянная нехватка промышленных товаров, ножницы цен, злоупотребления и моральный облик представителей власти на местах. Эти переживания выливались и в практические предложения (наказы избирателей). Типичными для постановлений этой избирательной кампании были следующие пункты:

- необходимо удешевить товар фабричного производства и урегулировать цены на хлеб, приняв меры к завозу зерновых продуктов для торговли ими среди населения;
- ускорить проведение землеустройства и усилить снабжение крестьян культурными семенными материалами;
- наладить снабжение кооперации товарами;
- возбудить ходатайство перед Центром об отсрочке платежа по полученной ссуде;
- при расширении школьной сети на селе необходимо организовать в сельских местностях школы 2-й ступени для обслуживания ими крестьянских детей, так как в городах беднейшие крестьяне не могут обучать своих детей.

Крестьянство выражало свое недовольство на слабость и бесхозяйственность местных общественных организаций – кресткомов, заявляя: «Что дал комитет взаимопомощи для крестьянства? Все эти организации созданы и существуют сами по себе, а крестьянство само по себе»; «некоторая беднота не хочет работать, потому что вы ей помогаете, а ее следовало бы заставить честно трудиться»¹⁰. Крестьяне указывали на слабость кооперации в деревне, на медленные темпы проведения землеустройства («как обстоит дело с проведением землеустройства и переселением и будет ли отпущен кредит для этих целей» – повсеместно задаваемый крестьянами вопрос); на грубые и неправильные действия милиции, на невнимательное отношение врачей¹¹. Претензии вызывала налоговая политика: «налоги облегчены прямые, а косвенные повышены – это не облегчение

⁹ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 74.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 72, 87.

Сообщения и заметки

крестьянству», «мы бедны, застраховать свой скот – значит подорвать свое хозяйство, потому, что на страховку нужно продать скот»¹².

Однако наряду с сетованиями и жалобами крестьянство с удовлетворением отмечало оказанную голодающим продовольственную помощь¹³, семенную ссуду: «Когда мы начали получать семена, многие говорили друг другу – кто же это благодетель, который дает так нужные нам хлеб и семена. Это наша родная советская власть, а до нее не было таких оказаний помощи. Поэтому мы к ней должны относиться с большою благодарностью и прислушиваться к ее советам в дальнейшем» (Муравльская вол. Малоархангельского уезда)¹⁴. Кредитование населения, передача лесов местного значения, льготы по кустарной промышленности – все это находило живой отклик среди сельского населения. Это подтверждают данные из сводок о перевыборных кампаниях Елецкого, Ливенского, Новосильского уездов Орловской губернии¹⁵.

Политика власти, направленная на «смычку города и деревни» и на союз «рабочих и крестьян» также нашла отклик у деревенских жителей. Несмотря на внедряющиеся, порой назойливые, штампы и лозунги, крестьяне не могли не видеть, что положение рабочих было лучше, что позволяет некоторым исследователям даже говорить о дискриминации крестьянства в условиях нэповской России¹⁶. Отсюда и возникавшие вопросы: «почему крестьянам живется хуже, чем рабочим?»; «не отражается ли повышение зарплаты рабочего на цене продуктов?»; «почему работницы на период беременности освобождаются от работы, а крестьянка нет?»¹⁷ У крестьян была твердая уверенность, что «рабочие удовлетворены лучше трудового крестьянства, крестьянин может прожить без рабочего, советская власть неравномерно распределяет государственные работы на плечи рабочего и

¹² ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 47–48.

¹³ Помощь со стороны государства была своевременной и актуальной для Орловской губ., так как 1924–1925 гг. сложились для ее населения неблагоприятно: в 1924 г. был неурожай, повторившийся, хотя и в меньшей степени, в 1925 г. Снижение валового сбора главных культур на 40 % по сравнению с 1923–1924 гг., дефицит по основным продовольственным хлебам и фуражу, убыль крестьянского стада на 15 % – все эти последствия не могли не сказаться на всей хозяйственной жизни губернии. Наблюдались массовое недоедание крестьян, граничащее в некоторых местах с голодом, увеличение продовольственных цен, падение платежеспособности крестьянского хозяйства. Губисполком и государство в этих условиях выдавали населению продовольственные и семенные ссуды, завозили продовольственные товары, объявили уменьшение и льготы по сельскохозяйственному налогу, выделили дополнительные дотации по местному бюджету. (Там же. Л. 104).

¹⁴ Там же. Л. 46, 47.

¹⁵ Там же. Л. 118, 129, 169.

¹⁶ Ковалев Д.В. Политическая дискриминация крестьянства в нэповской России// Вопросы истории. 2007. № 5. С. 139–144.

¹⁷ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 73.

Сообщения и заметки

крестьянина»¹⁸. Более того, высказывались предложения о том, что «необходимо рабочего обложить подходящим налогом с каждого заработанного рубля; рабочий бездельничает в продолжении восьми часов и до сих пор не может дать довоенной выработки»¹⁹. Можно сделать вывод, что смычка между городом и деревней, шла достаточно сложно, а союз рабочих и крестьян был весьма шатким.

1929 г. внес свои корректировки в избирательный процесс. В эту перевыборную кампанию государство уже делает ставку на бедноту, причем продвигая ее как в сельские советы, так и приветствуя ее в качестве электората. Крестьяне чутко уловили эту тенденцию и высказывали свое мнение на этот счет. В Каменском сельском совете Малоархангельского района при обсуждении кандидатур, выставленных от партячейки и группы бедноты, свое недовольство выразил середняк Поляков Андрей Петрович: «Зря мы собирались на перевыборы, ведь и без нас дело обойдется, вот беднота выдвинула своих кандидатов, пусть они их и утверждают, мы середняки собираемся на выборы ради мебели»²⁰. Граждане Утины А.П. и В.П. – крепкие середняки – жаловались, что собираются группы бедноты, а середняков на собрания не приглашают, если придешь, то просят выйти. Так действовали, например, в Хриповском сельском совете Глодновского района, где середняков даже не пустили на предвыборные собрания. И среди крестьян шла речь: «почему это отделяют середняков от бедняков»²¹, «мужиков разделили на три группы, ссорят мужика с мужиком, насильно загоняют в колхозы. Разве за это мужик боролся в 1918-м»²².

Практика отчетных кампаний советских органов в 1929 г. также отражает наметившиеся изменения настроений в крестьянской среде. Если в 1926 г. крестьянством приветствовались и в основном одобрялись отчеты райисполкомов (РИКов) и сельских советов, то в 1929 г. при обсуждении аналогичных отчетов мы встречаем несогласие, а порой и неприятие отчетов. В Каменском сельском совете на общем собрании (присутствовало 250 чел., из них 10 пьяны) середняк Карпов Василий Борисович, выслушав доклад, заявил о его несоответствии действительности: «...У нас нет никакого подъема сельского хозяйства, мы пришли окончательно к разорению от налогов, возьмите рабочих, у них тоже большое недовольство, как и мы, у нас нет кулаков, мы все беднота, а с нас дерут три шкуры, а не принимают никаких жалоб, ни в РИКе ни в центре»²³. Ему вторил Тарасов

¹⁸ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 72.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 63

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

Сообщения и заметки

Григорий: «Власть много говорит о бедноте, но никто не обращает внимание, не могут сделать для бедноты, чтобы она могла достать хлеба по дешевой цене и дерут с ней последнюю шкуру, вот вам и поднимайся беднота»²⁴. Подобные явления отмечались на всей территории Орловской области, в том числе и в Новосильском районе, где 22 декабря уполномоченным Новосильского РИКа товарищем Кутузовым на общем собрании граждан села Заречье был зачитан отчетный доклад, а в прениях по нему крестьянин В.Н.Егоров говорил: «Власть хвалится достижениями, а на самом деле их нет. В отношении снижения цен и думать, наверное, не придется. Много шумят и толкуют о минеральном удобрении, а вот когда крестьянин пойдет в лавку, то почти всегда отвечают, что его нет»²⁵. Замуруев Фома Гаврилович, середняк, отмечал: «...Почему это из года в год берут страховку все больше и больше, от этого помощи нет, потому что за неуплату продают имущество, это не верно»²⁶. Эти примеры красноречиво говорят не только о неприятии докладов, но и о подрыве доверия к власти и, как следствие, противостояние ей.

Порой крестьяне просто игнорировали отчеты на перевыборных кампаниях, как, например, в деревне Слобода Злынского сельского совета Болховского района. В прениях желающих высказаться по докладу не было, собрание прошло без активного участия присутствующих, а в задаваемых вопросах просили ответить о причинах недостатка хлеба и необходимо ли проводить в деревне социалистическое переустройство²⁷.

Довольно частым явлением для перевыборной кампании 1929 г. стал провал на избирательных участках при голосовании лиц, выставленных кандидатами от групп бедноты и ячеек ВКП(б). Не прошли, например, выдвинутые кандидатуры от ячеек ВКП(б) и бедноты в Луначарском сельском совете Урицкого района. Здесь в члены сельского совета был избран бедняк, выдвинутый самими крестьянами²⁸. По вопросу о назначении кандидатур в члены Работьковского сельского совета Дмитровского района гражданин Пушнов Александр говорил: «...Местная партячейка глубоко ошибается и намечает того, кто неряшливо относится к ведению своего хозяйства, примерно выдвинуло бедняка Евтохина Филиппа Григорьевича – лодыря»²⁹. В селе Пруды Новосильского района Лактюшина Тита Никитовича, рекомендованного ячейкой ВКП(б), собрание настаивало снять за то, что он в период военного

²⁴ ГАОО. Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 11.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 59.

²⁹ Там же.

Сообщения и заметки

коммунизма был жесток по отбору хлеба и груб с населением, когда являлся председателем волисполкома. Гражданин Лякишев указал, что он у него в 1920 г. отобрал 17 пудов хлеба. Ячейка защищала Лактюшина, двое посторонних крестьян доказывали собранию, что по тому времени он был вполне прав. Кандидатуру Лактюшина первым поставили на голосование, но собрание провалило его³⁰. Опасения крестьян в данном случае вполне понятны, так как хлебозаготовительные кампании вызывали неприятные ассоциации с продразверсткой периода военного коммунизма. И таких случаев провала партийных выдвиженцев было множество. Становится очевидным, что если не вся крестьянская масса, то значительная ее часть была настроена чрезвычайно оппозиционно.

Больше всего недовольства среди деревенских жителей наблюдалось на высокие налоги и разные сборы. Как известно, советское государство проводило соответствующую политику обложения налогами единоличных хозяев, чтобы вынудить их вступать в колхозы. По данным современных исследований, для наиболее зажиточных хозяйств налоги были повышены в 2–3, а часто – в 5–6 раз³¹. Привычным явлением при проведении перевыборных собраний со стороны присутствующих были выкрики: «Задавили налогами, мы беднеем с каждым годом»³². В деревне Михайловой на собрании Судинская Евдокия Николаевна (середняк) говорила, что «кого бы не выбирали для нас все равно, а налоги с каждым годом все повышаются, есть и бедняки, которые не хотят работать и каждый год этим лодырям весь налог и страховку скидывают, а я женщина, а уплачиваю налог наравне со всеми»³³. Таким образом, все больше проявлялись антагонистические настроения середняков по отношению к деревенским низам и политике государства, которое на налогово-льготном уровне сеяло раздор между различными слоями сельского социума.

Особое внимание со стороны партийных и советских организаций к бедноте, постоянно проводивших с ними совещания в районном масштабе, вызывало все большее недовольство остальной крестьянской массы. В одном только Новосильском районе Орловской области для подготовки групп бедноты было создано 40 собраний, на которых присутствовал 951 чел. Помимо этого, по всем 33 сельским советам был проведен ряд бедняцких собраний. По ряду сельских советов бедняцкие собрания проводились совместно с батрацкими собраниями

³⁰ ГАОО. Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

³¹ Лозбенева И.Н. Борьба большевиков за сельские советы в центральном нечерноземье во второй половине 20-х гг. // История России сквозь призму борьбы за власть: Материалы 34-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2004. С. 178.

³² ГАОО Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

³³ Там же. Л. 16.

Сообщения и заметки

(Грачевский сельский совет). Часто после таких бедняцких собраний значительно пополнялся список лишенцев³⁴. Это еще более накаляло обстановку в деревне. Противостояние различных слоев деревенского населения выливалось в срывы бедняцких собраний. Наиболее оппозиционным был, если верить сводкам Орловского окружного отдела ОГПУ, Малоархангельский район. Так 12 января в деревне Афанасовке указанного выше района крестьянами Зайцевым Стефаном Ивановичем, Зайцевым Федором Васильевичем и Антонечкиным Иваном Филипповичем было сорвано избирательное собрание. Они сумели восстановить все собрание против выдвинутых кандидатов из числа коммунистов и комсомольцев, говоря: «Мы своих выбираем, что нам коммунисты и комсомольцы, пойдем, ребята домой пусть они избирают сами себя». И все избиратели, несмотря ни на какую агитацию уполномоченных избиркомиссий, ушли с собрания³⁵. Аналогичная история произошла в селе Лески того же района. На избирательном собрании некоторые из присутствующих крестьян предпринимали попытки его сорвать: «что вот, мол, вы своих хотите провести пролетариев, а нам нужно провести самостоятельных хозяев», и выступали против кандидатов, выдвинутых группой бедноты, говоря «не нужно нам голтепа, а нужны хозяева, умеющие и дома работать и в людях будут хороши»³⁶. Крестьянин Лебедев Владимир Иванович Лужсковского сельского совета Дмитровского района открыто выступил против Советской власти, видя в ней источник голода в деревне: «Соввласть никуда не годится, потому что она хлеб отбирала и топила в море, а беднота голодная сидит. За это их всех побить надо, чтобы вы не отбирали хлеб у мужиков»³⁷. Противостояние различных социальных слоев деревни выливалось и в крайние формы. По данным итоговой докладной записки Орловского окружного отдела ОГПУ о результатах перевыборной кампании по округу в 1929 г., «в связи с лишением избирательных прав, недопуска на перевыборные собрания усилились моменты террористического воздействия. Всего по округу на почве перевыборов произошло 7 террористических актов (убийства, избиение, поджоги)»³⁸.

Хотя власть и делала ставку на бедноту, нельзя при этом сказать, что беднота всегда и однозначно была ее слепым орудием и всецело поддавалась идеологической обработке. Должиков Владимир Сергеевич, бедняк, говорил: «...Кабала бедняка не у кулака, а у государства, возьмите ссуду, выдают для бедноты, а дерут за нее 40 %, а если беднота засорила этот овес, то продай за деньги и

³⁴ ГАОО Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.

³⁵ Там же. Л. 65.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 66.

³⁸ Там же. Л. 287.

Сообщения и заметки

выйдет не 40 %, а все 60 %, вот где кабала, потому что весь овес забирают до зерна»³⁹. Но еще более показательным в этом плане являлся большой спор в общежитии среди делегатов Окружной конференции групп бедноты, созванной в связи с перевыборами советов, примерно такого характера (со слов осведомителя ОГПУ): «Одни говорили (большинство), что рабочему живется лучше, нежели как крестьянину, партийцы преследуют только свои интересы, которые мягко стелют, да жестко спят, а в особенности плохо живется нам беднякам, а сейчас нам говорят, что нажимай на кулаков в деревне, а деревни то они видят, а вот в городах нет, если в деревне кто-то имеет состояние и какой-нибудь 1 000 рублей и работает день и ночь его считают кулаком, а в городе сплошь да рядом имеют капитал на 10 000 рублей и ничего не работает, его не замечают и даже считают пролетариатом. Другие говорили, что не равно и рабочему живется, и жизнь мы сразу уравнивать не можем, доказывая это разными примерами. В общежитии за это время шел спор приблизительно на вышеуказанную тему, и была масса недовольства на советскую власть. Некоторые разъезжаясь говорили, что здесь мы как будто бы до всего договорились и остались довольны, а как приедешь в деревню, опять эта кошмарная жизнь, нет хлеба, нет топлива и т. д. и невольно опять кланяться кулаку, чтобы он тебе дал пуд хлеба, а власть обещает нам только вот здесь, разъедемся то снова забудет про нас, только вот говорят и снова опять ничего не добьешься. Другие говорили, что нам нужно быть довольными и тем, что мы все свои нужды вылили, и глядишь, что-нибудь да теперь и лучше будет, меньше ненормальностей, советской властью мы должны дорожить, а какие недостатки нам нужно об них говорить и своевременно их изживем»⁴⁰.

Из приведенного текста становится очевидным, что немалая часть бедноты полагала, что власть преследует преимущественно свои цели, проявляя к ней (бедноте) повышенный интерес и требуя нажимать на кулака. При этом участники Окружной конференции подчеркивали огромные трудовые усилия крестьянской семьи для достижения материального благополучия в деревне: «работают день и ночь», а «его считают кулаком». Ведь кулаком непосредственно в деревне считали не просто зажиточного крестьянина, а того, чей достаток был нажит несправедливым, с точки зрения односельчан, путем. Кроме того, у крестьян все больше и больше росла уверенность, что рабочим живется лучше, особенно это мнение укреплялось в связи с административно-силовым нажимом на деревню в процессе коллективизации.

Неприятие «социалистического переустройства» российской деревни нашло свое выражение в выступлениях с требованием создания крестьянских союзов, как организаций представительства и защиты крестьянства. В Болховском районе

³⁹ ГАОО Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Л. 61.

Сообщения и заметки

С.Р.Маковым на перевыборном собрании был открыто поставлен вопрос об организации крестьянского союза. На Моховском районном съезде советов вопрос об организации крестьянского союза был также выставлен одним из делегатов⁴¹. Орловская область не была здесь исключением, подобные заявления можно было услышать и в близлежащих областях: «Нам нужен крестьянский союз, иначе мы погибнем. Пока у власти сидят коммунисты, до тех пор не будет настоящих порядков, нам нужно иметь такую власть, в которой были бы представлены все политические направления»⁴². Рост количества выступлений, связанных с этой идеей, был несомненный, особенно на фоне обострения социально-экономического положения деревни, вызванного начинающейся сплошной коллективизацией. Но не стоит приписывать данной идее грандиозных размахов, по крайней мере, в Орловской области. Согласно итоговой докладной записке Орловского окротдела ОГПУ «О результатах перевыборной кампании по округу в 1929 г.» было зафиксировано всего 2 случая открытой агитации за создание крестьянского союза⁴³. Возможно, это объясняется тем, что местное крестьянство видело для себя более реальную возможность отстаивать свои интересы путем проникновения в советы. С этой целью крестьяне распродавали свой скот, пытаясь таким образом уравниваться с беднотой. При малой явке избирателей пытались выставлять свои избирательные списки в совет. Лица, лишённые избирательных прав, путем подкупа и спаивания, договаривались с односельчанами провести своих людей.

Таким образом, документы и сводки о перевыборных кампаниях в Советы в 1926 и 1929 гг. выявляют тенденцию изменения настроений орловского крестьянства в сторону негативного отношения к советской политике в деревне. Крестьянство живо реагировало на внутривластную ситуацию в стране, на позиции, что занимало в отношении него государство. Если в 1926 г., когда государство еще делало ставку на «сплочение» бедноты с середняком, заинтересованном в результатах своего труда, отношения крестьян к проводимой политике в целом отличались достаточно позитивным настроем, то в 1929 г. ситуация меняется. В эту перевыборную кампанию государство уже делает ставку на бедноту, приветствуя ее в качестве электората и выдвигая в члены сельских Советов. Как следствие, наблюдается обострение во взаимоотношениях различных социальных слоев сельского социума, выявление недоверия по отношению к власти и рост оппозиционных настроений, порой перерастающих в крайние формы – террор. При этом заметно, что государство далеко не всегда могло манипулировать настроением крестьян, несмотря на предпринимаемые пропагандистские усилия.

⁴¹ ГАОО Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 287.

⁴² Там же. Ф. Р-1. Оп. 1 Д. 1231. Л. 82.

⁴³ Там же. Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 287.

Сообщения и заметки

Особенно это заметно на примере того, как менялось на протяжении 1920-х гг. восприятие «социалистического переустройства» российской деревни. Относительно спокойное развитие страны периода нэпа в целом стимулировало доверие к мероприятиям, проводимым советской властью, их позитивным оценкам. Эксцессы же на почве все большего поворота в сторону коллективизации порождали антагонистические настроения и разочарование. Усиление таких настроений со всей очевидностью отразили перемены курса, болезненно затронувшие крестьянское сообщество.